

На остановке Рыбин ждал троллейбуса, идущего до учреждения под названием «Парк легенд». Там занимались, в частности, бизнесом. Нашёлся «Парк легенд» на территории бывшего ЗИЛа. Подошёл троллейбус, идущий пока не туда. В его окне Рыбин отметил девочку, которую посчитал хорошенькой и решил добавить в свой список, где у нее оказался номер двести двадцать девять за текущий год. Рыбин не затем разъезжал по Москве, чтобы высматривать симпатичных девочек. Он просто работал в должности курьера и должен был доставить документы в тот самый «Парк легенд». Девочек он отмечал попутно. Но, с другой стороны, это отмечание больше значило для его состояния, чем сама работа.

Отметил Рыбин не только девочку, но и сам троллейбус, выглядевший так, как в его детстве. В детстве Рыбин обожал троллейбусы за их мелодичное гудение и специфический запах. А сейчас он и предположить не мог, что через несколько лет Москва откажется от троллейбусов. Ради электробусов.

Вообще Рыбин с детства был эстетом – человеком, обострённо воспринимающим красоту. Это всё-таки помогало ему сохранить остатки рассудка. Но присущ эстетизму и серьёзный минус – он делает человека только созерцателем, зрителем окружающего мира, но к деятельности побуждает мало. Если только вдохновляет. Вот Рыбин занимался живописью. Ему обещали выставить его пейзажи в каком-нибудь парке, но исполнение этого обещания затянулось.

Раздав все бумажки и приехав домой, Рыбин первым делом бросился к своему чёрному блокноту и добавил туда в список увиденных сегодня девочек. Выглядело это добавление так: «228. «Автозав.», там же. 229. В тролл.» Сокращения использовались с целью экономии бумаги. Рыбин вёл подсчёт, как он это называл, чарующих моментов. И делал он

из этого списка хит-парады, чарты месяцев и лет. Этим он отдалённо компенсировал отсутствие семьи. Отмечал он не только красивых девочек и девушек, но и особые ситуации, которые только для него особые, другой не заметит. А пометка «там же» означала, что в районе метро «Автозаводская» Рыбин встретил уже много очаровашек – и маленьких, и взрослых.

И при всём при этом Рыбин также являлся православным христианином. Отнюдь не с детства он таковым являлся, а после неудачи с поступлением в вуз. Вуз Рыбин сначала выбрал технический. Всё-таки знания там преподносят более практичные. Потерпев неудачу, парень как-то потерял себя, перестал чувствовать своё назначение. Потом весьма неплохо окончил художественный факультет. Но работа тем не менее вот такая. Как он говорил: «Устроился на должность бродяги». А в религии он нашёл способ познать своё назначение, просветиться истиной и любовью.

Явился Рыбин однажды на исповедь, через пару дней после указанной поездки. Рад был парень тому, что у него быстро получилось снова исповедаться, чтобы завтра причаститься. Да и батюшка, к которому Рыбин стоял в очереди, оказался улыбчивым; к нему подходили пока что старушки, а он им всем с улыбкой кланялся. А Рыбин собирался сообщить о своих проблемах с молитвой.

– Каюсь, батюшка, – начал Рыбин. – Мне молиться бывает трудно, концентрация плохая. И вообще, в молитвах и прочем утрачивается свободная потребность, я делаю это просто чтобы... себя помучить как-то. Хотя, бывало, я один раз почувствовал умиротворение в храме. Правда, не в этом – не в обиду будь сказано этому храму, – а в сельской местности. Там так народу мало, просторно, и на улице небо кажется ближе, я как будто...

Рыбин взглянул на священника и оборвался. У того уже не было ничего похожего на улыбку. Только испуг. И притом какой-то детский – с расплывшимися губами, как у пятилетнего малыша, случайно наткнувшегося на фильм ужасов. И батюшка ещё как-то особенно сжимал в руках нагрудный крест. Затем затараторил:

– Ты перед Богом всегда кайся, говори: «Господи, помилуй мя, грешнаго» и не повторяй больше грехов, понимай, что это противно Богу. Господи, помилуй нас, грешных. Как зовут тебя? Давай, Кирилл, наклоняй голову.

Рыбин спокойно наклонил голову под епитрахиль. Его пока не волновало, кого там в нём увидел батюшка, главное было поскорее исповедаться – и гора с плеч.

Теперь мы ненадолго выйдем из черепной коробки Рыбина, чтобы объяснить кое-что, чего он не понял.

Для этого батюшки Рыбин стал разрушать христианскую картину мира. И не какими-то утверждениями, а самим своим существованием. Тот был уверен, что не существует людей, на которых молитва действует плохо, и теперь ощутил своё, как служителя церкви, бессилие.

А через пару месяцев Рыбин устроил в том храме вопль. Оттого, что не получалось возле распятия прочитать «Отче наш». Он простоял целый час и стал звонить матери, чтобы увела его из храма. Сначала он звонил ещё на улице и на уговоры матери прийти домой так, не прочитав молитву, он взбешённо отвечал:

– Никуда я не приду!

Он ещё потряс ветвями, оплетшими церковную ограду. И в этот момент на него через ограду посмотрел другой парень из числа тех, кто ставил свечи к распятию, возле которого Рыбину не удавалось прочитать «Отче наш». И посмотрел тот парень с ненавистью. Его взгляд будто говорил, что такие психи не должны появляться на свет. И что самое интересное, тот ещё при этом изображал из себя христианина.

Рыбин решил закончить молитву. В храме наводили порядок к приезду какого-то высокого церковного чина. Одна женщина стала протирать икону зубной щёткой, сняв оклад. Затем обратился мужчина в годах:

– Молодой человек, отойдите немножко.

– А меня скоро уведут отсюда, – без стеснения ответил Рыбин, чему никто значения не придавал. Сконцентрироваться на главной молитве христиан так и не получалось, и он снова стал звонить матери, на этот раз не выходя из храма. Снова мать не понимала, куда и зачем надо прийти, и Рыбин стал говорить громко и раздражённо.

– Молодой человек, с телефоном – на улицу!

– Меня должны увести отсюда!!! – провопил срывающимся голосом Рыбин, разбил телефон об пол и выбежал из храма. В церковь он брал дешёвый телефон, без интернета, чтобы не завлекал по дороге.

Сбежав по ступеням храма, Рыбин развернулся, встал на колени, вытянул руки к небу, к кресту и так же провопил:

– О, сколько терзаний тебе ещё надо?!! – парень стал биться головой об асфальт, выкрикивая: – На, Бог! На, Бог! На, Бог!

Ещё бы чуть-чуть, и треснул бы череп, но Рыбин почувствовал чьё-то приближение, подумал, что это поп, и с рёвом вскочил, чтобы схватить его за горло.

– Чё, дурак что ль? – это оказался проситель милостыни, отошедший от ворот. Рыбин открыл свои безумные глаза.

– Дурак!!! – недалеко за воротами он заметил замерших детей, пришедших в парк на экскурсию, вытаращенные глаза и подобие улыбки у одного из них. – Проклятый!!!

Разносилось эхо по всему пустынному заснеженному парку. Рыбин выбежал за ворота храма, а этой экскурсии, не издававшей ни звука, крикнул уже тише:

– Смотрите, нормальные!

Оказавшись дома, он принял увеличенную дозу лекарства, поспал, а проснувшись, необычайно спокойно и быстро, по своим меркам, прочитал «Отче наш». А на лбу его красовалась багровая шишка.

* * *

За последующие годы ничего в жизни Рыбина кардинально не изменилось – семьи не появилось, работа оставалась той же. Только если творчество своё он слегка продвинул – появились его пейзажи на выставках и в сообществах «ВКонтакте». Однажды, испытывая свою смелость, он бросился с ледяного склона, сломал себе ребро об корягу и прекратил работу на несколько месяцев.

А считать чарующие моменты перестал – надоело, слишком пустое занятие. Но и без счёта он всё равно отмечал очаровательных девушек и девочек, больше последних. Некоторые маленькие симпатяшки, отличавшиеся бойкостью, заметив взгляд Рыбина, отвечали ему или при-

творной улыбкой – на, мол, улыбнись, раз пялишься, – либо рожицей. Такая бойкость особенно восхищала Рыбина.

И снова Рыбин находился в церкви летним вечером. Туда пришла с родителями маленькая девочка, а он и на неё стал смотреть. Но в результате вышло совершенное нечто, можно сказать, чудо. Малышка в косынке, подойдя к нему сзади, лучезарно улыбнулась. Рыбин сначала подумал, что это опять притворно. Но когда малышка пошла от родителей обратно мимо него, он разглядел, что всё-таки нет – улыбка искренняя, радостная.

Долго потом Рыбин размышлял об этой улыбке. Чем он мог её вызвать? Неужели так по-доброму смотрел? Может, со стороны малышки была жалость? Нет, жалостливый взгляд – грустный и, может, испуганный, а здесь явилась именно что чистая радость. Так радостно улыбаться маленький ребёнок может либо близким, либо лучшим друзьям. Но чтобы незнакомому дядьке – это удивительно. И если на него, Рыбина, так посмотрел незнакомый ребёнок – это дорогого стоит. Это значит, что он не такое уж и ничтожество, что есть в нём что-то светлое. Только вот как это светлое откопать получше, чтобы и взрослым оно было заметно? Вот в чём проблема из проблем.

Поздно дошло до Рыбина значение этой улыбки, но когда дошло – он ненадолго исполнился восторгом и умилением. Если бы он мог сделать хоть что-нибудь приятное для этого милейшего на земле человечка – ему никакого счастья больше и не надо было бы. Ну, почти. Он бы излечился, и всё остальное пошло бы легко.

Он, кстати, знал и имя девочки, ибо её позвала мама: «Маруся, Маруся!» В связи с этим он стал молиться за неё, добавив в число благодетелей младенца Марию. (В молитвах дети называются младенцами до семи лет, а дальше – отроками и отроковицами.)

И всё-таки, что же в нём, Кирилле Рыбине, заключено такого необыкновенного, почему от него священник задрожал, а ребёнок улыбнулся?

И теперь на вопрос «Видел ли ты когда-нибудь ангела?» Рыбин сможет ответить: «Видел, но только во плоти».

Вот только не встречалась ему больше Маруся.